

"Наследство Лемезюрье"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Вместе с Пуаро я участвовал в расследовании многих странных преступлений, но ни одно из них, я полагаю, не сравнится с серией удивительных событий, которые мы вспоминали на протяжении долгих лет и которые в итоге создали ту проблему, которую Пуаро предстояло разрешить. Все началось с того, что как-то вечером, во время войны, мы услышали семейную историю рода Лемезюрье, и она сразу привлекла наше внимание. Мы с Пуаро только недавно встретились, возобновив наши добрые дружеские отношения, начавшиеся еще в Бельгии. Он расследовал одно маленькое дело для военного министерства, успешно разрешив его. Мы обедали в «Карлтоне» с неким штабным офицером, который отвечивал Пуаро тяжеловесные комплименты в перерывах между сменами блюд. Офицер наконец спешно ушел на какую-то очередную встречу, а мы спокойно допили кофе, прежде чем последовать его примеру.

Когда мы выходили из зала, кто-то окликнул меня, голос показался мне знакомым, и, обернувшись, я увидел капитана Винсента Лемезюрье, молодого парня, с которым я познакомился во Франции. Он был в компании с мужчиной постарше, который, судя по внешнему сходству, доводился ему родственником. Так оно и оказалось, поскольку его представили нам как мистера Хьюго Лемезюрье, дядю моего юного приятеля.

В сущности, я не слишком хорошо знал капитана Лемезюрье, но он был приятным молодым человеком, может, только несколько мечтательным по натуре, и я вспомнил разговоры о том, что он принадлежал к одному древнему аристократическому роду, владевшему именьями в Нортумберленде еще до времен Реформации. Мы с Пуаро никуда не спешили и, приняв приглашение молодого человека, сели за их столик и довольно мило поболтали с нашими новыми знакомыми. Старшему Лемезюрье можно было дать лет сорок, легкая сутулость выдавала его пристрастие к научным трудам; и как выяснилось, в то время он действительно проводил какие-то химические исследования по заказу правительства.

Наш разговор прервался в связи с появлением высокого темноволосого молодого человека, который решительно подошел к нашему столику, очевидно, испытывая некое волнение или даже тревогу.

- Слава богу, что я нашел вас обоих! - воскликнул он.

- Что случилось, Роджер?

- Ваш отец, Винсент, сильно расшибся. Молодая строптивая лошадь... - Конца фразы мы не расслышали, поскольку он отвернулся к своим собеседникам.

Через пару мгновений наши двое знакомых поспешно простились и покинули нас. Отец Винсента Лемезюрье серьезно пострадал, объезжая новую лошадь, и никто уже не надеялся, что он доживет до утра. Винсент смертельно побледнел и, казалось, был ошеломлен этим известием. Сказать по правде, я удивился такой реакции, поскольку из его немногословных разговоров на эту тему во Франции я понял, что они с отцом не особенно ладили, и поэтому сейчас такое проявление сыновних чувств слегка поразило меня.

Темноволосый молодой человек, которого нам представили как кузена, мистера Роджера Лемезюрье, задержался, и мы втроем вышли на улицу.

- Это довольно любопытная история, - заметил кузен. - Возможно, она заинтересует месье

Пуаро. Я слышал о вас, месье Пуаро, от Хиггинсона. Он говорит, вы мастер психологии.

- Да, я изучал психологию, - осторожно признал мой друг.

- Вы заметили выражение лица моего кузена? Он был сражен, не так ли? А знаете почему? Стародавнее фамильное проклятие! Не желаете услышать эту историю?

- Было бы очень любезно с вашей стороны рассказать мне ее.

Роджер Лемезюрье взглянул на свои часы:

- Времени еще много. Я встречаюсь с ними на вокзале Кингз-Кросс. Итак, месье Пуаро, род Лемезюрье очень древний. В далекие времена Средневековья один из тех древних Лемезюрье стал подозревать свою жену в измене. Он обнаружил эту леди в компрометирующей ситуации. Она клялась, что была невинна, но старый барон Хьюго не слушал ее. У нее был один ребенок, сын... и он клялся, что это не его ребенок и что он никогда не признает его своим наследником. Я забыл, что именно он сделал... Некоторые, увлекаясь средневековыми представлениями, считают, что замуровал мать и сына живыми; в любом случае он убил их обоих, и она, умирая, настаивала на своей невинности и прокляла весь род Лемезюрье. Проклятие состояло в том, что ни один первенец мужского пола, родившийся в семье Лемезюрье, никогда не будет наследником. В итоге по прошествии времени невинность той дамы была полностью доказана. Я полагаю, что старый Хьюго надел власяницу и провел остаток своих дней в постах и молитве. Но странная вещь заключается в том, что с тех самых пор ни один первенец мужского пола не наследовал титул барона. Он переходил к братьям, к племянникам, к младшим сыновьям... но только не к старшему сыну. Отец Винсента был вторым из пяти сыновей, его старший брат умер в младенчестве. Конечно, всю войну Винсент был уверен, что если кому-то и суждено умереть, то именно ему. Но, что довольно странно, его два младших брата были убиты, а сам он прошел войну и остался целым и невредимым.

- Интересная семейная история, - задумчиво сказал Пуаро. - Но сейчас умирает его отец, а он, как старший сын, становится наследником?

- Именно так. Проклятие, должно быть, выдохлось... не в силах противостоят напряженности современной жизни.

Пуаро покачал головой, как будто осуждая шутливый тон своего собеседника. Роджер Лемезюрье вновь глянул на часы и заявил, что ему пора бежать.

Продолжение этой истории стало известно на следующий день, когда мы узнали о трагической смерти капитана Винсента Лемезюрье. Он ехал на север, в Шотландию, почтовым поездом и ночью, должно быть, открыл двери вагона и выбросился на полном ходу. По-трясение, вызванное несчастным случаем с его отцом, вероятно, вызвало некоторое временное умопомрачение. Странное суеверие, господствующее в семье Лемезюрье, было упомянуто в связи с новым наследником, братом его отца, чей единственный сын, Рональд Лемезюрье, впоследствии утонул в реке Сомме.

Я полагаю, что наша случайная встреча с молодым Винсентом в последний вечер его жизни разожгла наш интерес ко всему, что имело отношение к семье Лемезюрье, поскольку два года спустя мы с некоторым интересом отметили смерть Рональда Лемезюрье, который ко времени его наследования фамильного имени был уже хроническим больным. Преемником стал его брат Джон, здоровый и бодрый мужчина, у которого был сын - студент Итона.

Определенно некий злой рок омрачал жизнь рода Лемезюрье. Приехав на очередные

каникулы, этот юноша умудрился застрелить себя. Смерть его отца произошла внезапно, в результате укуса осы, и титул по наследству перешел к его младшему пятому брату – Хьюго, с которым, как мы припомним, мы и встречались в тот трагический вечер в «Карлтоне».

Не имея никаких объяснений этой исключительной серии несчастий, выпавших на долю рода Лемезюрье, мы не были лично заинтересованы в этом деле, но уже близилось то время, когда нам предстояло занять более активную позицию.

Однажды утром нам доложили о приходе миссис Лемезюрье. Это была высокая, энергичная женщина лет тридцати, производившая впечатление на редкость решительной и здравомыслящей особы. В говоре ее слышался слабый американский акцент.

- Месье Пуаро? Я рада познакомиться с вами. Мой муж, Хьюго Лемезюрье, встречался с вами как-то раз много лет назад, но вы едва ли помните тот случай.

- Я помню его отлично, мадам. Это случилось в «Карлтоне».

- У вас просто замечательная память. Месье Пуаро, я очень обеспокоена.

- Что же вас беспокоит, мадам?

- Мой старший сын... Вы знаете, у меня два сына. Рональду – восемь, а Джеральду – шесть лет.

- Продолжайте, мадам. Почему вы беспокоитесь за малыша Рональда?

- Месье Пуаро, за последние шесть месяцев он три раза был на волосок от смерти: сначала он чуть не утонул этим летом, когда мы отдыхали в Корнуолле; затем он выпал из окна детской, а потом чуть не умер, отравившись трупным ядом.

Возможно, выражение лица Пуаро даже слишком красноречиво отразило его мысли, поскольку миссис Лемезюрье, едва переведя дух, поспешила добавить:

- Разумеется, я понимаю, вы думаете, что я просто глупая женщина, делающая из мухи слона.

- Нет, право, мадам. Огорчение любой матери вполне оправданно в таких случаях, но я не понимаю, как могу вам помочь. Я не *le bon Dieu*, чтобы управлять волнами; для окна детской я предложил бы вам железные решетки, а для качества пищи... что может сравниться с материнской заботой?

- Но почему все эти вещи случались с Рональдом, а не с Джеральдом?

- Случай, мадам... просто *le hasard!*

- Вы так считаете?

- А что думаете вы... вы и ваш муж?

По лицу миссис Лемезюрье пробежала тень.

- С Хьюго разговаривать бесполезно... он не хочет ни о чем слушать. Возможно, вам приходилось слышать, что есть некое фамильное проклятие... о том, что ни один из старших сыновей не может стать наследником. Хьюго верит в него. Он полностью поглощен этой семейной историей, и он в высшей степени суеверен. Когда я поделилась с ним своими

страхами, то он сказал, что это проклятие и никто из нас не в силах предотвратить его. Но, месье Пуаро, я родом из Америки, и мы не слишком верим в проклятия. Мы любим их как некую принадлежность подлинного аристократического рода... они придают некую тайну, загадочность, ну, надеюсь, вы понимаете. Я была простой опереточной актрисой, когда Хьюго познакомился со мной... и я думала, что история о его семейном проклятии рассказывается просто ради красного словца. Понимаете, о таких вещах приятно вспоминать у камина зимними вечерами, но когда это касается одного из твоих детей... Я просто обожаю моих детей, месье Пуаро, ради них я готова на все.

- Поэтому теперь вы склонны поверить в это семейное предание, мадам?

- Может ли предание подпилить ствол ивы?

- О чем вы говорите, мадам? - в изумлении вскричал Пуаро.

- Я сказала, может ли предание... или некий призрак, если вам так угодно назвать его, подпилить ствол ивы? Я не рассказывала вам кое-что о Корнуолле. Любого мальчик мог заплыть слишком далеко и... хотя Рональд научился плавать уже в четыре года. Но с ивой иной случай. Оба мальчика сильно расшалились. Они обнаружили, что могут лазить взад-вперед по стволу ивы. Они часто играли так. Однажды - Джеральда в это время не было дома - Рональд лазил туда и обратно без остановки, и вдруг ива сломалась, и он упал. К счастью, он не получил серьезных повреждений. Но я пошла и исследовала эту иву: ветка была подпилена, месье Пуаро... заранее подпилена.

- То, что вы рассказали мне, очень серьезно, мадам. Вы говорите, вашего младшего сына в это время не было дома?

- Да.

- А в момент отравления он тоже отсутствовал?

- Нет, тогда оба они были за столом.

- Любопытно, - пробормотал Пуаро. - Итак, мадам, кто еще живет в вашем имении?

- Мисс Сондерс, гувернантка наших детей, и Джон Гардинер, секретарь моего мужа... - Миссис Лемезюрье слегка помедлила, словно что-то ее смущало.

- И кто же еще, мадам?

- Майор Роджер Лемезюрье - его, я полагаю, вы также встречали в тот вечер в «Карлтоне» - проводит у нас довольно много времени.

- Ах да... он приходится вам родственником, не так ли?

- Дальним родственником. Он не принадлежит к нашей ветви родового древа. Хотя, я полагаю, сейчас он является ближайшим родственником моего мужа. Он славный человек, и все мы очень любим его.

- Это не он научил ваших детей забираться на иву?

- Вполне возможно. Он довольно часто провоцирует их на разные шалости.

- Мадам, я приношу извинения за то, что сказал вначале. Существует реальная опасность, и я

думаю, что смогу вам помочь. Я предлагаю вам пригласить нас с Гастингсом к вам в гости. Ваш муж не будет возражать?

- О нет. Только он считает, что это все бесполезно. Я прихожу в ярость от того, как он просто сидит и ждет, когда наш мальчик погибнет.

- Успокойтесь, мадам. Давайте спокойно обговорим наши планы.

Наши планы были должным образом обговорены, и следующий день увидел нас уезжавшими на север. Пуаро был погружен в глубокую задумчивость. Он вышел из нее, чтобы резко спросить:

- Уж не из такого же ли поезда выпал Винсент Лемезюрье?

Он сделал легкое ударение на слове «выпал».

- Надеюсь, вы не подозреваете, что и здесь был какой-то подлый замысел? - спросил я.

- А не думаете ли вы, Гастингс, что некоторые из этих последних смертей в семействе Лемезюрье могли быть подстроены? Возьмем, к примеру, Винсента. Затем парень из Итона... подобные несчастные случаи с пистолетами всегда очень неоднозначны. Предположим, что и этот мальчик случайно выпал из окна детской и разбился насмерть... что может быть более естественно и не вызвать ни малейших подозрений? Но почему только один ребенок, Гастингс? Кто выигрывает от смерти старшего сына? Только его младший шестилетний брат! Абсурд!

- Возможно, позже они намеревались устранить и другого, - предположил я, хотя у меня не было ни малейшего представления, кем могли быть эти «они».

Пуаро с недовольным видом покачал головой.

- Трупный яд... - пробормотал он задумчиво, - атропин зачастую вызывает очень похожие симптомы. Да, наше присутствие явно необходимо.

Миссис Лемезюрье с восторгом приветствовала нас, затем проводила в кабинет своего мужа и удалилась. Хьюго значительно изменился с тех пор, как я видел его в последний раз. Его спина еще больше ссутулилась, а лицо приобрело странный землистый оттенок. Он выслушал объяснения Пуаро по поводу нашего появления в его доме.

- Тут безошибочно чувствуется практический, здравый смысл Сейди! - воскликнул он наконец. - Оставайтесь, конечно, пожалуйста, месье Пуаро, и я благодарен вам за ваш приезд, но... чему быть, того не миновать. О-хо-хо, грехи наши тяжкие... Мы, Лемезюрье, знаем... никто из нас не избежит своей судьбы.

Пуаро напомнил ему о подпиленной ветке ивы, но это, видимо, произвело незначительное впечатление на Хьюго.

- Наверняка это просто небрежность садовника... да, да, орудием судьбы может стать все, что угодно, но тайная цель очевидна; и я скажу вам, месье Пуаро, нам не придется долго ждать.

Пуаро внимательно взглянул на него.

- Почему вы так говорите?

- Потому что я и сам обречен. Я обращался к доктору в прошлом году, я неизлечимо болен... конец уже не за горами; но прежде чем я умру, Рональд будет забран в мир иной. Наследником останется Джеральд.

- А если что-то случится и с вашим вторым сыном?

- С ним ничего не случится, ему ничто не угрожает.

- Но если все-таки? - настаивал Пуаро.

- Следующим наследником станет мой кузен Роджер.

Нас прервали: высокий статный человек с кудрявой огненно-рыжей шевелюрой вошел в кабинет с пачкой бумаг.

- Не будем сейчас заниматься делами, Гардинер, - сказал Хьюго Лемезюрье и добавил: - Мой секретарь, мистер Гардинер.

Секретарь поклонился, произнес несколько любезных слов и удалился. Несмотря на его приятную внешность, было в этом человеке нечто отталкивающее. Я сказал об этом Пуаро, когда мы вышли прогуляться по прекрасному старому парку, и, к моему удивлению, он был со мной согласен.

- Да-да, Гастингс, вы правы. Мне он тоже не понравился. Слишком уж он красив. Такие всегда ищут теплое местечко, что-то вроде синекуры. А вот и наши детки.

К нам приближалась миссис Лемезюрье со своими сыновьями. Они были приятными на вид мальчиками, младший - темноволосый, как его мать, а старший - с рыжеватыми кудрями. Они с серьезным видом пожали нам руки, а вскоре были совершенно очарованы рассказами Пуаро. Чуть позже нам представили и мисс Сондерс, невзрачную и невыразительную особу, которая завершала компанию.

В течение нескольких дней мы вели приятную, легкую жизнь, но всегда были начеку, правда, безрезультатно. Мальчики жили счастливо и нормально, и ничто, казалось, не предвещало дурного. На четвертый день нашего пребывания в имение заехал майор Роджер Лемезюрье. Он мало изменился: по-прежнему беспечен и жизнерадостен, с той же самой привычкой ко всему относиться легко. Он был, очевидно, кумиром мальчиков: они восторженно встретили его и тут же утащили в сад играть в индейцев. Я заметил, что Пуаро последовал за ними.

На следующий день все были приглашены на чай к леди Клейгейт, чье поместье находилось по соседству. Миссис Лемезюрье предложила нам тоже пойти с ними, но, казалось, даже слегка обрадовалась, когда Пуаро отказался и заявил, что он предпочел бы остаться дома.

Как только все ушли, Пуаро взялся за работу. Он напоминал мне некоего наделенного интеллектом терьера. Я полагаю, что в доме не осталось уголка, который бы он не обследовал; однако все это было сделано так спокойно и методично, что никто даже не заметил его передвижений. В итоге он остался явно неудовлетворенным. Мы сели пить чай на балконе вместе с мисс Сондерс, которая также не пошла на прием.

- Мальчики будут только рады, - проговорила она в своей бесцветной манере. - Хотя я надеюсь, что они будут вести себя прилично: не испортят клумбы и не станут дразнить пчел...

Пуаро не донес чашку до рта. Он выглядел как человек, который увидел привидение.

- Пчелы? - спросил он громовым голосом.

- Да, месье Пуаро, пчелы. Три пчелиных улья. Леди Клейгейт очень гордится своими пчелами...

- Пчелы? - вновь воскликнул Пуаро. Затем он выскочил из-за стола и, схватившись за голову, нервно зашагал взад и вперед по балкону. Теряясь в догадках, я размышлял, почему мой приятель так разволновался при одном упоминании о пчелах.

В этот момент мы услышали, что вернулся автомобиль. Пуаро был уже на ступеньках крыльца, когда компания выходила из машины.

- Рональда ужалила пчела! - возбужденно крикнул Джеральд.

- Ничего страшного, - сказала миссис Лемезюрье, - укус даже не распух. Мы приложили к ранке нашатырный спирт.

- Позвольте мне взглянуть, мой маленький друг, - сказал Пуаро. - Куда вас укусила пчела?

- Вот сюда, в шею, - важно ответил Рональд. - Но она не причинила мне вреда. Папа сказал: «Стой спокойно и не двигайся... на тебя села пчела». Я замер, и он ее снял, но она успела ужалить меня, хотя почти не больно, просто как укол булавкой, а я не заплакал, ведь я уже взрослый и на следующий год пойду в школу.

Пуаро осмотрел шею мальчика и отошел в сторону. Взяв меня под руку, он тихо сказал:

- Сегодня ночью, mon ami, у нас будет одно дельце! Только никому ни слова!

Он отказался дать более вразумительные пояснения, и я, снедаемый любопытством, с нетерпением ждал ночи. Пуаро рано отправился спать, и я последовал его примеру. Когда мы поднялись на второй этаж, он удержал меня за руку и дал краткие инструкции:

- Не раздевайтесь. Идите к себе в комнату, выждите какое-то время, потом погасите свет. Встречаемся здесь.

Выполнив все его указания, я в условленное время встретил его в коридоре. Он жестом велел мне хранить молчание, и мы тихо пошли в то крыло дома, где находились детские спальни. Мы вошли в спальню Рональда и спрятались в самом темном углу. Мальчик спокойно спал.

- По-моему, он спит очень крепко, - прошептал я.

Пуаро кивнул.

- Снотворное, - пробормотал он.

- Зачем?

- Чтобы он не кричал...

- А с чего ему кричать? - спросил я умолкшего Пуаро.

- От укола шприца, mon ami! Тише, давайте лучше помолчим... хотя я полагаю, что ждать нам придется довольно долго.

* * *

Но тут Пуаро ошибся. Не прошло и десяти минут, как дверь тихо открылась и кто-то вошел в комнату. Я слышал звук шумного, учащенного дыхания. Шаги направились к кровати, и затем раздался резкий щелчок. Луч электрического фонарика осветил лицо спящего ребенка... но темнота пока скрывала вошедшего. Он положил фонарик на тумбочку, в правой руке у него был шприц, а левой он коснулся шеи мальчика...

Мы с Пуаро мгновенно выскочили из укрытия. Фонарик упал на пол, и мы в темноте боролись с тайным пришельцем. Он оказался исключительно сильным. Но наконец мы одолели его.

- Свет, Гастингс, я должен увидеть его лицо... Хотя, боюсь, мне слишком хорошо известно, кого мы сейчас увидим.

«Так же как и мне», - подумал я, на ощупь ища на полу фонарик. В какой-то момент я подозревал секретаря, подстрекаемый моей тайной неприязнью к этому человеку, но сейчас я чувствовал уверенность в том, что выслеженным нами чудовищем окажется кузен, который решил расчистить себе путь к титулу убийством двух своих малолетних родственников.

Моя нога коснулась фонарика. Я поднял его и включил свет. Тусклый луч осветил лицо... Хьюго Лемезюрье, отца мальчиков!

Я чуть не выронил фонарь.

- Невозможно, - хрипло пробормотал я, - невозможно!

Лемезюрье потерял сознание. Мы с Пуаро перетащили его в другое крыло и положили на кровать в спальне. Пуаро наклонился и осторожно извлек что-то из его правой руки. Он повернулся ко мне, и я увидел у него на ладони маленький шприц. Я содрогнулся.

- Что в нем? Яд?

- Муравьиная кислота, я полагаю.

- Муравьиная кислота?

- Да. Вероятно, полученная из муравьиного яда. Он же был химиком, как вы помните. Причиной смерти, наверное, сочли бы пчелиный укус.

- О боже, - пробормотал я, - ведь это его родной сын! И вы ожидали этого?

Пуаро печально кивнул головой.

- Да. Разумеется, он душевнобольной. Я подозреваю, что фамильное предание стало его манией. Непреодолимое желание стать наследником заставило его совершить ряд ужасных преступлений. Возможно, впервые эта идея пришла ему в голову, когда он ехал на север в ту ночь вместе с Винсентом. Он не мог вынести, что предсказание будет опровергнуто. Сын Рональда уже умер, да и сам Рональд стоял на пороге смерти... у них было слабое здоровье. Хьюго устроил несчастный случай с пистолетом и, о чем я не подозревал до сих пор, убил своего брата Джона уже известным нам способом, введя муравьиную кислоту в его яремную вену. На тот момент его амбиции были удовлетворены, он стал хозяином фамильных владений. Однако его триумф был кратковременным... у него обнаружили неизлечимую болезнь. И тогда появилась эта навязчивая безумная идея: старший сын рода Лемезюрье не должен стать

наследником. Я подозреваю, что он сам подстроил то опасное купание... наверное, спровоцировал своего сына на слишком дальний заплыв. А когда этот план не удался, он подпил ветку ивы, ну а потом отравил детскую еду.

- Дьявольщина! - поежившись, пробормотал я. - И ведь все так умно спланировано!

- Да, mon ami, нет ничего более поразительного, чем исключительное здравомыслие душевнобольных! Разве только исключительно экстравагантные чудачества здоровых! Я подозреваю, что он совсем недавно окончательно спятил, то есть его безумие перешло в хроническую болезнь.

- И ведь подумать только: я подозревал Роджера... этого прекрасного человека.

- Это было вполне естественное предположение, mon ami. Мы знали, что в ТОТ вечер он также должен был отправиться на север вместе с Винсентом. Мы знали, что он является очередным наследником после Хьюго и его детей. Но наше предположение не подтверждалось фактами. Ива была подпилена, когда в доме оставался один Рональд... А ведь в интересах Роджера было бы покончить разом с обоими детьми. Отраву подсыпали только в еду Рональда. А сегодня, когда они вернулись домой, я выяснил, что об укусе пчелы мальчику сообщил сам Хьюго, и тогда я вспомнил другую смерть от такого укуса... тут-то я все и понял!

Хьюго Лемезюрье умер через несколько месяцев в частной клинике для душевнобольных, в которую его поместили. Спустя год его вдова вышла замуж за мистера Джона Гардинера, рыжеволосого секретаря. Рональд унаследовал обширные владения своего отца и продолжает жить в добром здравии.

- Ну вот и славно, - заметил я Пуаро. - Очередное заблуждение рассеялось. Вы весьма успешно разобрались с проклятием рода Лемезюрье.

- Сомневаюсь, - в глубокой задумчивости сказал Пуаро. - Право же, я очень сомневаюсь в этом.

- Что вы имеете в виду?

- Mon ami, я отвечу вам одним многозначным намеком: подумайте о... красном цвете!

- Что, кровь?! - Вздрогнув, я понизил голос до испуганного шепота.

- Вам всюду чудятся мелодрамы, Гастингс! Я подразумевал нечто гораздо более прозаичное - цвет волос маленького Рональда.